

Вот ужасный, вызывающий
дрожь случай про красную пи-
явку...

Артур Конан Дойл
«Пенсне в золотой оправе»

ПРОЛОГ

ДОКУМЕНТ 377-03. Приложение к материалам уголовного дела, возбужденного по факту пропажи без вести членов группы АФ. Документ изъят при осмотре номера (гостиница «Розафа», забронировано для сотрудников миссии согласно инструкции — Шкодер, Албания). Письмо старшего эксперта-криминалиста, сотрудницы следственной группы АФ при миссии международного наблюдения ООН Раисы Чистяковой (Raisy Chistyakovou). Письмо датировано 3 октября 200... г., не отправлено. Адресат — подруга, проживает в Москве, по учетам USWR не проходит.

НАТУСЯ! КОТЕНОК!

Отсюда звонить — целая история, из отеля никаких денег не хватит, так что буду тебе писать, котенок, тем более что, кажется, мы тут застряли надолго. Летели из Черногории чартером, нормально все прошло. Часть наших летела через Вену с пересадкой, так у них была задержка почти на сутки — туман, аэропорт Шкодера не принимал.

Помнишь, ты говорила, что это будет похоже на Кавказ? Так вот на Кавказ это уж совсем никак не похоже. Хотя здесь, на севере Албании, кругом горы. Шкодер невозможно сравнить ни с одним знакомым нам городом. Умом понимаешь, что это вроде как

Средиземноморье, а выглянешь в окно гостиницы — настоящий Горгорот (помнишь, у Толкиена?). Архитектура чудная, дома облупленные, но те, которые красят, — размалевывают аляписто в синий, оранжевый, даже красный. И везде тучи пыли, она очень мелкая, кашель вызывает. У Митри — это наш сотрудник, больше того — начальник, очень славный и простой, без закидонов парень, — так вот у него аллергия на пыль, он, бедненький, просто пропадает тут. Мы стараемся его приободрить, мол, в горах ему станет гораздо легче, хотя никто из нас толком не знает, какие в Албании горы.

Наш отель в самом центре у городского рынка. Рынок здесь — главное место, в этом чувствуется влияние Турции, Востока. Ходили в первый же день с Олегом. Купить практически нечего — местная посуда да китайский ширпотреб, как раньше у нас на Черкизовском. Хотела тебе что-то оригинальное, самое-самое албанское в подарок, так и не нашла. Будем проезжать разные городки и деревеньки, поищу у местных умельцев, там скорее найдешь.

Тут вообще все, и стар и млад, торгуют — сидят на улице у перевернутых ящиков, а на них какая-то снедь, соленья, но я что-то опасаюсь покупать: все день-деньской лежит на жаре, на солнцепеке. Осень здесь очень жаркая и сухая, что же, интересно, было летом, а?

Много домов строится, причем очень быстро, и машины мелькают иногда по улицам такие, что только диву даешься, что кто-то среди этой нищеты способен на таких вот ездить. Вчера видела новехонький «Феррари», стоял возле помойки, драил его тряпкой какой-то тип в рваной футболке. А потом явился еще

один тип — ну прямо персонаж фильма Кустурицы, сел за руль и отчалил.

Но Олегу, кажется, нравится тут больше, чем в Косове. Это, по его словам, полная дыра. Олег, он вообще-то ничего... Слушай, котенок, хочется мне о нем с тобой потрепаться, да боюсь сглазить. Уже чуть-чуть больше, чем просто чисто служебные отношения. Хотя особо общаться некогда, работы очень много. Меня предупреждали перед поездкой, так что, видно, с «личным» придется подождать. К тому же Олег, он... по-моему, нравятся ему в основном свистушки, девчонки, возраст у него сейчас как раз такой — для них. Однако...

Мы ведь вместе летели, ты знаешь. И потом тоже вечером, когда заселились в отель, он зашел ко мне. Да, котенок, конечно же, с бутылкой! Здоровый, нормальный мужик без комплексов. До сих пор вот так и не поняла — разведенный или холостой. На разведенного вроде не похож, но до тридцати семи лет прослужить в органах и не жениться? Ты же знаешь, у нас в системе все женятся, как болваны, ни свет ни заря.

В общем, провели вечерок. Он про Косово рассказывал. То-се, потом какие у вас глаза, Раечка... Затем я его вежливенько выперла, хотя... Ах, котенок, теперь вот жалею, а вдруг и не повторится больше у нас такой вечер?

Я все о себе, а как ты? Как твои экзамены? Учиться в медицинском на вечернем, работать — Натуся, милая моя, на это одна ты способна, котенок мой пушистый.

На улице что-то орут. Язык совершенно понять невозможно, но молодежь по-английски шпарит всю. Ой, забыла тебе сказать — когда ехали позавче-

ра с сотрудниками миссии мимо железной дороги, видела паровоз-«кукушку», представляешь? Как у нас в фильмах про войну: столб дыма, вагоны битком, даже на крыше едут. А на шоссе наш ооновский джип «мерсы» обгоняют. И как обгоняют — гудят, палец показывают.

В горах, куда едем, говорят, очень красиво. Хвойные леса, скалы, водопады. Но меня что-то все это не радует. Тяжело как-то, тревожно. Может быть, оттого, что читаю сейчас много по работе всего — документов, материалов. Какая страшная штука — война. Что с людьми делали! Убивали, пытали! А ведь все люди. У всех матери были, всех в детстве научить старались чему-то хорошему.

У нас тут в отеле на ресепшн стоит такой красавец портье, просто глазам больно. Под два метра, сероглазый, ключ тебе подает, словно вы на свидании — так и обжигает. Или это мне чудится от недостатка мужского внимания?

Мне еще кое-что чудится, котенок. Точнее, снится. Ночи здесь очень темные. Лежишь в кровати, тени на фоне штор, на потолке. Тени, трещины, как паутина... Эх, были бы тут магазины, прошла бы, нахватала тряпок по дешевке, сумку бы купила, наконец, себе итальянскую, все бы как рукой сразу — грусть, тоска, дрожь...

Очень хочется домой. Командировка за рубеж — это, конечно, неплохо, тем более в нынешней кризисной ситуации, все-таки платят прилично, но...

Котенок, пожелай мне удачи. Будет минутка вечером — подумай обо мне, и мне станет легче, спокойнее, как будто дом сразу ближе.

Ну все, целую тебя крепко. Пиши мне на адрес миссии, он у тебя есть. Пиши, как у тебя с «личным»,

как поживает твой заводделением — «доктор Борменталь» из госпиталя? Есть позитивные сдвиги в ваших отношениях или он все еще дичится тебя? По возможности позвоню, когда вернемся в Шкодер.

Твоя Рая.

3 октября 200... г.

*Приграничный с Косовом район
Северной Албании*

ГЛАВА 1

ПРОКЛЯТЫЕ ГОРЫ

— Не ждите, что вам кто-то станет помогать и оказывать добровольное содействие. Не забывайте: не так уж и давно во время «косовского противостояния» те места были, по сути, прифронтовой полосой. Отряд полевого командира Гезима Печа имел там постоянную базу. И хотя он погиб, по нашим данным, от рук своих же, но в глазах местного населения там, в горах, он настоящий герой, партизан. Так что любая попытка с вашей стороны очернить подозрением его героический мученический ореол чревата...

Тон майора КЕЙ ФОР Карлоса Баерза был сух и лишен эмоций. Его вызвали на инструктаж следственной группы АФ, он прилетел ночным рейсом из Приштины в Шкодер, но по лицу его было видно, что он относится к своим обязанностям без всякого энтузиазма.

Олег Приходько там, в номере отеля «Розафа», где проживали сотрудники следственной группы, майора КЕЙ ФОР, казалось, и не слушал. Слова Баерза всплыли в его памяти уже в машине. И вовсе не потому, что Баерз говорил что-то уж очень важное, полезное или представляющее исключительный интерес в оперативном плане. Просто он прилетел из

Косова, где служил и работал. А это чертово Косово все еще не отпускало Олега Приходько от себя.

Балканский драйв...

Помнится, в 99-м сама идея о том, что капитан милиции, простой российский опер из отдела по борьбе с кражами и угонами автотранспорта, без всяких связей, блата, может подать заявление, пройти комиссию при МВД и практически на три года отправиться на работу за границу в какие-то там международные полицейские силы охраны законности и правопорядка, — эта идея казалась утопией, сказкой. Но сказка в случае с Олегом Приходько стала былью. Он подал заявление, прошел комиссию и был командирован МВД в тот самый КЕЙ ФОР — в тогда еще действующее российское подразделение.

Три года балканского драйва... Кто-то из ребят пустил это словцо. Заграница представлялась землей обетованной. Балканский драйв оказался тем еще дерьмом. И это балканское дерьмо крепко прилипло к подошвам их солдатских шнурованных ботинок.

Не отодрать, не отмыть. Если ампутировать — то только с ногами, с душой...

Тучи черных птиц, кружащих в небе над черепичными крышами, над полями, — эта чисто косовская картинка часто вспоминалась Олегу Приходько, теперь уже полковнику МВД. Дрозды, галки, воронье, сбитое инстинктом в тугой черный галдящий смерч, — над лесом, над пашней, жирной, плодородной, удобренной прахом мертвых, человеческими костями, навозом войны.

Спросить бы у этого Карлоса Баерза: как там ОНИ — все еще летают, галдят, гадят на крыши, жрут червей?

Вместо этого на инструктаже в номере отеля они

рассматривали в ноутбуке карту района будущего выдвижения группы да слушали предостережения о настроениях местных. А кого, интересно, местные албанцы должны были поддерживать в том самом «косовском противостоянии» — сербов, что ли? Конечно, своих, конечно, косоваров.

Но одно дело поддержка и сочувствие, другое — соучастие в преступлении. Тем более таком, какое расследуют (точнее, пытаются со скрипом расследовать) члены группы АФ при международной миссии наблюдателей ООН.

Работа в группе АФ была второй по счету командировкой полковника милиции Олега Приходько на Балканы. На этот раз не в Косово, а в Албанию, в город Шкодер.

«Любая попытка очернить мученический героический ореол чревата...» — эти слова майора КЕЙ ФОР Приходько вспомнил уже в машине — белом джипе с лейблом ООН, который вроде бы сам по себе должен вызывать у албанцев положительную реакцию. «Любая попытка чревата...» — этого самого бородача Гезима Печа, кантовавшегося в горах с автоматом и ватагой бойцов, действительно на севере почитали как героя. Партизан, участник боев с сербской армией и все такое прочее. После публикации книги швейцарского прокурора Карлы дель Понте, где она прямо говорила о похищениях сербских граждан с целью изъятия у них донорских органов и подпольной торговле таким вот «товаром», это имя всплыло вместе с другими именами албанских полковых командиров совсем уже в ином контексте.

В горах на севере, на границе с Косовом, располагались не только военные базы, но там же, по словам швейцарского прокурора, находились и места,

где содержали похищенных людей. Сведения о «желтом доме» в горном селении, предоставленные прокурором, где проводились хирургические операции по изъятию у живых людей донорских почек, сердца, селезенки, печени, предназначавшихся для продажи в клиники и госпиталя, взорвали эфир, обошли все мировые информационные каналы.

«Желтый дом» был найден, осмотрен. Результатов по факту осмотра было получено ноль. Однако именно тогда при международной миссии наблюдателей и была образована специальная секретная следственная группа АФ, сотрудники которой вели поиск настоящих мест, где во время войны подобные операции по изъятию органов проводились. Где потрошили людей, где работали настоящие «мясники», где должны были остаться следы, улики, пригодные для идентификации, для предоставления в качестве доказательств в суде.

Кроме этих «мест крови» должны были быть найдены и тайные лагеря, где держали похищенных. А также кладбища, где хоронили убитых.

Одно такое «место крови», по оперативной информации, полученной полицией КЕИ ФОР, находилось в горах, в сорока минутах езды от границы с Косовом. Однако данные были расплывчаты, группе АФ предстояло их уточнить.

Но, как предупредил майор Баерз, на жителей окрестных деревень полагаться в этих поисках и уточнениях не приходилось.

Олег Приходько был к этому готов, ничего другого он, собственно, и не ожидал.

А вот у хорвата Митри Сокола, формально являвшегося старшим группы, это вызывало злость и досаду. Садясь в джип, он не скрывал своего мрачно-

го настроения. Даже не улыбнулся привычно эксперту-криминалисту группы Рае Чистяковой. Она загрузила в багажник свою походную «лабораторию» — что-что, а техника была выдана группе первоклассная. Зато не было, увы, никакой охраны. Как объявили в миссии наблюдения — на автоматчиков просто не хватило средств, бюджет миссии и так был урезан наполовину в связи с мировым кризисом.

Митри Сокол и Олег Приходько получили от майора Баерза фамилию и адрес информатора КЕЙ ФОР в селе Требиште, которое они должны были проезжать. Информатор был из сельской интеллигенции — учитель. Приходько, опытный в таких делах, предпочел бы, чтобы агент был кабатчиком — хозяином придорожного кафе, — эти типы знают много, а видят и подмечают еще больше. А какой информацией мог располагать школьный учитель? Хорошо еще, что он по-английски болтает и на славянских языках тоже, а иначе всей его информации грош цена — ведь шкиптарского (то есть албанского) языка в группе все равно никто не понимает, кроме коренного албанца — водителя по имени Небойша.

Этому самому Небойше за сотрудничество полагался гонорар. Перед отъездом секретарь миссии наблюдателей вручил старшему группы Соколу тысячу долларов — это был бюджет на расходы группы: оплату работы водителя, оплату его же как переводчика с албанского в общении с местными жителями, оплату за бензин, за еду, за ночлег, если бы обстоятельства потребовали ночевки в сельской гостинице. Тысячу баксов работающий албанец из Шкодера мог скопить в лучшем случае за год ударного труда. В горах на севере убивали во время войны и за пятую часть этой суммы.

И при таком раскладе у миссии наблюдателей не хватило бюджета на конвой!

Балканский драйв...

Олег Приходько хлопнул дверью джипа, перехватил взгляд Раи Чистяковой. Соотечественница, боевая подруга... эх, мать моя женщина, и какого черта родное МВД посылает сюда в командировку баб?!

Считается, видимо, не такой уж и «горячей точкой» — не то что, например, Чечня, Кавказ. Как же — заграница... Курица не птица, Албания не заграница. Албания — это вообще и не страна даже, это образ мыслей, способ существования — другой, настолько другой, что и представить трудно.

Албания...

Такого синего неба нет, наверное, нигде в мире.

И такой пыли на дорогах при прозрачности небес — тоже нет.

И такой вот музыки, что льется из магнитолы шофера Небойши — в три голоса, они то сливаются, то вдруг расходятся на верхах, то вновь звучат в унисон — мелодично, варварски, нежно и дико, — и все это вместе под аккомпанемент волынки-гайды, флейты-зурны и барабана.

Там, на скалистом холме над Шкодером, сторожит врагов средневековая крепость Розафа. На ее стенах четыре века назад били турецкие барабаны — до сих пор рассказывают в Шкодере: божественный ритм, неповторимое звучание им придавала человеческая кожа, содранная с пленных, высушенная, выдубленная на жарком солнце.

— Небойша, о чем поют? — спросила Рая Чистякова шофера.

Тот оглянулся, улыбнулся широко, потом по-